

То был 1995 год, канун праздника Весны. Чжао Чжунсян еще не рекламировал товары для здоровья и не был замешан в сексуальных скандалах, оставаясь бессменным ведущим новогоднего гала-концерта. В те времена праздничные вечера были пропитаны духом настоящей народной радости, а на сцене блистали звезды, чей масштаб до сих пор никому не удалось превзойти: Пэн Лиюань, Мэн Гэ — мать серебряного копья, сладкоголосая Ян Юйин и многие другие. Приглашение звезд из Гонконга и Тайваня стало доброй традицией, особенно после того, как в 1984 году песня Мое китайское сердце пронеслась по всей стране. 27 мая 1985 года Китай и Великобритания обменялись ратификационными грамотами, Совместная декларация официально вступила в силу, и Гонконг вступил в двенадцатилетний переходный период. Все верили, что возвращение Гонконга — это историческая неизбежность.

Пока вся страна собралась у экранов, чтобы смотреть концерт, Сы Сянь, накинув поверх соломенной шляпы огромный черный дождевик, ковыляла по размытой дороге к дому второго дяди. Дождь хлестал по её потемневшим от усталости глазам. Последние дни она спала тревожно, словно видела сон длиной в двадцать лет. В том сне она была одержима карьерой, купалась в богатстве и роскоши, но там же, в этом сне, она потеряла самого дорогого человека. Проснувшись, она ощутила себя словно Чжуан-цзы, который не мог понять, то ли он бабочка, то ли бабочке снится, что она — человек. Она трогала свои упругие щеки: кожа была гладкой, даже без косметики. На ладонях виднелись мозоли, оставшиеся с юности, но на лице — ни единой морщинки. Это она, двадцатилетней давности, видит сон, или же это она из будущего провалилась в прошлое? Сы Сянь не могла разобраться. Несколько дней назад вторая тетя заходила пригласить её на новогодний ужин. Когда Сы Сянь открыла глаза и увидела её, она была поражена: тетя была такой молодой, без седины в волосах и старческих пятен на лице.

Вторая тетя долго ворчала, но всё же зачерпнула ей миску воды. Сы Сянь медленно сделала глоток, и в голове немного прояснилось. Тетя продолжала всё то же самое: пора, мол, замуж, а то в прошлом году хорошее предложение упустили — семья старого Лю из конца деревни подсуежилась раньше. В прошлом году Сы Сянь как раз училась в первом классе старшей школы, и второй дядя хотел выдать её замуж за племянника деревенского старосты. Если память её не подводит, в этом году должен вернуться третий дядя, который не был в родных краях уже несколько лет. В этом году в его карьере наступил переломный момент: до перевода из района в провинциальный комитет оставался всего один шаг. Сы Сянь лихорадочно подсчитывала в уме: если эти двадцать лет были реальностью, то сейчас должно произойти кое-что еще. Столетняя старуха из конца деревни не переживет зиму, и по ней устроят поминальный пир. Сы Сянь помнила, как на том банкете она съела целую миску свинины в соевом соусе — так сильно была голодна.

— Гэнь-эр пришла, — приветствовали её родственники. Сы Сянь сняла соломенную шляпу и улыбнулась в ответ. Гэнь-эр было её детским прозвищем. В их краях была традиция отдавать детей на воспитание людям с сильной судьбой, чтобы те оберегали их. В детстве её отдали на попечение деревенскому мяснику по фамилии Юань, который и дал ей это имя.

Родственники были приятно удивлены вежливостью девушки. Повзрослела, а ведь раньше, начитавшись книг, слова лишнего не вымолвишь. Второй дядя тоже удивился её приходу: после того как год назад они окончательно разругались, Сы Сянь и порога его дома не переступала. Дядя был простым работягой, мечтавшим лишь о сыне. Не бить же улыбающегося человека? Он стряхнул пепел с самокрутки и неловко потер руки:

— Пришла, Гэнь-эр. Похудела-то как.

Старшая дочь дяди была на три года младше Сы Сянь, смышленная и работающая девочка. Когда Сы Сянь дома голодала, именно она тайком приносила ей фрукты.

— Сестренка.

— М-м, — Сы Сянь протянула руку и погладила девочку по голове. Глаза предательски защипало. Она помнила, что в 1996 году у той случился приступ астмы, и по дороге к источнику девочка упала в канаву и утонула.

— Сестренка, что с тобой? — голос девочки, которой сейчас было четырнадцать, звучал звонко и чисто.

На её зов прибежали вторая и третья сестры:

— Сестренка, сестренка! Что случилось?

— Ничего... ничего, — Сы Сянь поспешно протерла глаза. Старшая сестра заботливо протянула ей тряпицу:

— В глаз что-то попало?

— Наверное.

За едой кто-то заговорил о столетней старухе Ли: мол, крепится, пережила зиму, еще годик протянет. Сы Сянь молча жевала горячую еду. Крепится? Значит, те двадцать лет были лишь сном? Но как может быть такой реалистичный сон? Эта неистовая любовь, эти богатства — всё лишь иллюзия? Она могла бы отказаться от роскоши, но как смириться с тем, что тот человек был лишь призраком? Цзы Цзюньнин. Цзюньнин. Сяо Нин.

Когда она уходила, дождя уже не было, но воздух оставался влажным и тяжелым. Второй дядя шел следом, светя фонариком. Несколько раз он порывался предложить ей остаться на ночь, но Сы Сянь была непреклонна. У порога он еще раз дал ей несколько наставлений и сунул в руку смятые бумажные купюры, скомканные, словно засоленные овощи. Сы Сянь отказалась, сказав, что хочет купить сестренке конфет. Дядя, видя её упорство, не стал настаивать.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру дяди, Сы Сянь вошла в свой ветхий дом. Набрала ковшом воды и жадно выпила несколько глотков. Ледяная вода из колодца заставила зубы ныть, а сознание — проясниться. В том, «сонном» прошлом, на этот Новый год она не приходила к дяде; она пришла к нему только в день окончания экзаменов.

В комнате было полутемно. Сы Сянь дернула за веревочку лампы. На столе, служившем и для еды, и для занятий, лежал учебник математики с густыми пометками на полях. Если это был просто сон, откуда она так хорошо помнит этот материал? Сы Сянь, сгорбившись, села на кровать. Снаружи выл ветер. Дерево помело, посаженное отцом, выросло очень высоким, но плоды его были ужасно кислыми. Когда Сы Сянь мучил голод, она ела их, и от кислоты распухали десны. Снаружи слышались глухие удары падающих плодов. На душе стало

удивительно спокойно.

На следующий день она снова зашла к столетней старухе. Та сидела во дворе и жевала сушеную хурму. Увидев Сы Сянь, она радостно улыбнулась, протянула ей угощение и что-то невнятно забормотала. Сы Сянь опустила глаза. Старуха выглядела немного не в себе, но держалась бодро — совсем не похоже на человека, чьи дни сочтены.

Неужели и правда сон?

Такой правдоподобный сон, что она забыла о настоящем. Сы Сянь крепко сжала в руке хурму и, перекинувшись парой слов со старухой, ушла. В первый день нового года грохот петард отдавался звоном в ушах. Она шла домой, пошатываясь.

Наступил ясный день. Сы Сянь разбудил соседский мальчишка:

— Сестренка, проснись! Староста зовет нас к выходу из деревни.

Сы Сянь чувствовала себя разбитой. Она с трудом открыла глаза:

— Что случилось?

— Староста сказал, что наши даты рождения совпали с датами бабушки.

— Даты рождения?

— Бабушка умерла.

Сы Сянь резко села на кровати. Умерла? Умерла?! Как это возможно? Она же видела её всего пару дней назад! Не сон! Это был не сон! Значит, Сы Сянь сглотнула пересохшим горлом, столько совпадений, и смерть старухи лишь подтверждает... Значит, она действительно вернулась на двадцать лет назад? Вернулась в прошлое, точно! Сы Сянь хотела верить в это всей душой: она вернулась на двадцать лет назад.

Мальчик, испугавшись её реакции, пролепетал:

— Сестренка, почему ты плачешь?

<http://bllate.org/book/21764/2250605>